

чаях привлекается материал из произведений устного народно-поэтического творчества, даются примеры из газет, примеры живой разговорной речи. Но подача примеров, часто в одном параграфе (например, § 65, 175 и др.), то со ссылкой на автора и произведение, то без всяких ссылок создает впечатление пестроты и отсутствия определенной системы. Если собственные примеры вполне естественны для отдельных слов и словосочетаний, то целые предложения, казалось бы, следовало давать с указанием на источник. Между тем весь раздел «Глагольные приставки» (§ 898—924) иллюстрирован фразами без ссылок, раздел из «Введения» «Взаимопереход частей речи» (§ 64) тоже иллюстрирован собственным материалом, в то время как именно здесь необходимы были авторитетные иллюстрации из языка произведений наших классиков и из лучших образцов советской литературы.

Сами примеры не всегда отвечают требованиям академического издания. Вряд ли можно считать удачными, например, такие иллюстрации: *Сабуров взглянул вверх и увидел... двухфузеязычный артиллерийский коррективщик: Фокке-Вульф* (Симонов, Дни и ночи, III) (§ 175, стр. 106) или: *На Одесской станции юных натуралистов научный сотрудник тов. Соловей путем соответствующего воспитания (поздний осенний посев) превратил яровой ячмень «Паллидум» 032 в зимующий в условиях Одесской области* (Лысенко, Творец советской агробиологии) (§ 997, стр. 660).

Замечание вызывает и список цитируемых авторов. Наряду с писателями-классиками, лучшими писателями современности, передовыми учеными прошлого и настоящего, читатель встретит в списке и фамилии начинающих авторов, язык произведений которых нельзя считать образцовым. Вряд ли следовало цитировать и второстепенных поэтов прошлого, например Надсона. Почему в нормативно-стилистической грамматике русского языка цитируется абхазский писатель Гулиа? Не все цитируемые в тексте авторы указаны: в списке пропущены фамилии Рудермана (§ 273), Барсова (§ 766), Лысенко (§ 997).

Устранение указанных недостатков (отсутствие изложения в вводной части ряда принципиально важных для нормативно-стилистической грамматики положений, несогласованность в отдельных параграфах «Введения» и специальных глав, наличие значительного количества нечетких, неполных и даже в единичных случаях неверных формулировок, непоследовательность в подаче исторических справок, недостаточная четкость в проведении принципа нормативности и некоторые другие) должно, на наш взгляд, способствовать улучшению грамматики при ее последующих переизданиях.

Следовало бы несколько сократить общий объем книги, что особенно легко сделать за счет уменьшения иллюстративного материала. Не лучше ли вместо пространного оглавления (изложенного на 40 страницах!) дать предметный указатель?

Академическая грамматика является несомненно ценным и полезным трудом. Учет лучшего научного наследия предшествующих поколений, колоссальный свежий материал, его стройная классификация, богатство тонких и глубоких замечаний, общедоступное изложение дали возможность авторскому коллективу Института языкознания Академии наук СССР создать действительно замечательный труд.

По своему стремлению как можно шире охватить явления живого языка, по тщательной систематизации фактов, нормативно-стилистической направленности грамматики является действительным продолжением развития русской грамматической науки, основы которой были заложены трудами Ломоносова и Востокова.

Грамматика будет способствовать дальнейшему развитию научной мысли, плодотворной разработке вопросов грамматики не только русского языка. Тираж грамматики 10 000 экз. — явно недостаточен. Настоящая грамматика наряду со словарем должна стать настольной книгой каждого интеллигентного советского гражданина.

Э. И. Коротаева

Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. [Сб. статей.] Редколлегия: Г. Ф. Александров, В. В. Виноградов, Г. Д. Санжеев, Б. А. Серебrenников и Д. И. Чесноков. — М., Изд-во АН СССР, 1952. 496 стр. (Ин-т языкознания. Ин-т философии.)

В своих гениальных трудах по вопросам языкознания И. В. Сталин поставил перед советской лингвистикой две взаимосвязанные задачи: скорейшее освобождение нашего языкознания от ошибок Н. Я. Марра и внедрение марксизма в языкознание. Первой задаче непосредственно посвящены два сборника Института языкознания АН СССР — «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании» (т. I—II, 1951—1952). Рецензируемый сборник служит второй задаче — творческой разработке ряда основных проблем сталинского учения о языке.

Сборник содержит 18 статей, посвященных вопросам сущности и специфики языка, языка и истории, языка как системы, грамматике (в особенности словообразова-

нию, отчасти синтаксису), сравнительно-историческому методу, взаимодействию и смешению языков, проблеме национальной специфики языка. Предметом исследования отдельных авторов являются русский и славянские языки, языки западноевропейские (немецкий, английский), языки ряда народов СССР (иранские, тюркские, иберийско-кавказские, северные и др.).

Сборник открывается вступительной статьей акад. Г. Ф. Александрова «Великая сила сталинских идей» (стр. 7—21). Статья раскрывает значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития марксизма-ленинизма как революционной науки и направляющую, организующую и преобразующую роль сталинских идей в великом деле строительства коммунизма.

К сожалению, авторское участие Института философии АН СССР в этом сборнике, заявленное на его титульном листе, фактически ограничилось этой статьей. Между тем активное сотрудничество философов с лингвистами в разработке основных философских вопросов языкознания, впервые поставленных в трудах И. В. Сталина на основе марксистско-ленинской теории (язык и мышление, грамматика как «показатель громадных успехов мышления», происхождение языка и др.), крайне необходимо для дальнейшего плодотворного развития нашей науки.

Статья А. С. Чикобава «Об основных задачах и вопросах советского языкознания в свете сталинского учения о языке» (стр. 22—39) намечает основные линии разработки вопросов общего языкознания: предмет языкознания, его специальные методы, строение языковедческих дисциплин, их взаимоотношение с родственными дисциплинами, уделяя особое внимание основополагающим теоретическим проблемам — сущности и специфики языка как общественного явления, его происхождения и развития, в частности — сравнительно-историческому методу в языкознании. Особенно важное значение имеет принцип историзма, который автор отстаивает в качестве обязательного и для описательных грамматик, как древних, так и современных языков: «статистический анализ системы языка ведется с учетом истории данного языка, на фоне истории и с помощью истории, где только это возможно (объяснение отклонений в системе языка ищут ведь в истории)» (стр. 23). Этим преодолевается методологически порочный разрыв между «синхронией» и «диахронией», провозглашенный в зарубежном языкознании де Соссюром и его школой, а вместе с тем дается и принципиально важное указание составителям описательных грамматик, нередко укрывающимся от исторических проблем за эмпирическим перечислением «правил» и «исключений». «Статистическая грамматика, — справедливо указывает автор, — должна быть поднята на уровень исторической» (стр. 37).

В вопросе о функциональном определении языка А. С. Чикобава защищает первенство «коммуникативной» функции как «основной» над функцией «воплощения мысли» (которая названа не совсем удачно «экспрессивной», поскольку под «экспрессивностью» языка обычно понимают эмоциональную «экспрессивность»). Нам кажется, что сталинское определение языка не дает основания для такого предпочтения «коммуникативной функции». И. В. Сталин всегда рассматривает общение между людьми («коммуникацию») как «обмен мыслями», иными словами, как выражение мысли. Согласно классическому определению И. В. Сталина, «язык есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания»¹. Следовательно, само «общение» предполагает «обмен мыслями»; общение и выражение мысли представляют два аспекта одного и того же явления, не случайно всегда выступающие в предельно четких формулировках И. В. Сталина в том же единстве.

Предметом дальнейшей углубленной дискуссии должен быть и вопрос о так называемой «знаковой теории» слова. Что слово — «условный знак предмета» (стр. 28—29), знали уже философы древности; так, материалист Демокрит (V в. до н. э.) утверждал: «...имена от случая, а не от природы»². Однако есть существенная разница между словом как знаком и светофорами для регулирования движения на городских улицах или флагами международной морской сигнализации — сравнения, которые неизменно повторяются до сего дня учениками де Соссюра, в особенности — структуралистами³. Слово — не просто случайный условный знак предмета, но устойчивое, веками исторического развития народа сложившееся единство знака и значения. Своим значением слово (как и понятие) повернуто к действительности, «отражает» действительность. Слово — грамматически оформлено: его формальные элементы

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 22.

² Сб. «Античные теории языка и стиля», под общ. ред. О. М. Фрейденберга, М.—Л., 1936, стр. 33.

³ См. последнюю, написанную по-русски, статью Л. Ельмслева «Метод структурного анализа в лингвистике», «Acta Linguistica», Копенгаген, 1950—1951, vol. VI, fasc. 2—3, стр. 59 и 66.

также знаки, но знаки, имеющие значение, отражающие своим значением определенные реальные категории или отношения действительности и связанные со всей, тоже веками сложившейся, системой грамматических (знаковых) форм данного языка; значение слова со своей стороны связано со сложной семантической системой других родственных слов того же языка (ср. *кусок* — *кушать* и т. п.), которая также по-своему отражает предметы и отношения объективной действительности. Вот почему простое указание на «условный» характер слова как знака предмета, в общей форме справедливое, недостаточно конкретно и подает повод для недоразумений, а в ряде случаев для неправильных — механистических или «агностических» (у зарубежных структуралистов) — теорий.

Специально вопросам языкознания как исторической науки посвящены статьи В. И. Абаева и К. В. Ломтатидзе.

Как учит И. В. Сталин, «... язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»⁴. В статье В. И. Абаева «История языка и история народа» (стр. 40—55) язык рассматривается как важный исторический источник по вопросам происхождения и формирования народа и его родственным отношениям с другими народами, его быта и культуры в прошлом и его исторических связей с близкими или отдаленными соседями. На примере осетинского языка В. И. Абаев показывает значение этого метода исследования для восстановления истории недавно еще бесписьменного народа.

В области осетиноведения до недавнего времени, как известно, особенно прочно господствовали теории Н. Я. Марра, которые сам В. И. Абаев называет в своей статье «уродливыми», «антинаучными» и «вульгаризаторскими» (стр. 42). Следовало ожидать, что автор подвергнет эти теории принципиальной критике не в общей форме, а именно на материале своей специальности, осетинского языка, указав и на свои ошибки в этой области как ученика и последователя Марра, неоднократно уже отмеченные в печати и в лингвистических дискуссиях⁵. К сожалению, интересная и богатая конкретным материалом статья В. И. Абаева в этом смысле не оправдывает ожидания читателя.

Сомнение вызывает и слишком прямолинейное отождествление автором происхождения языка с происхождением народа, «глотогенеза» с «этногенезом» (стр. 44—45). Процессы этногенеза в ранние периоды истории общества нередко сопровождаются этническим смешением, а между тем при скрещивании языков, которое несомненно наличествует в подобных случаях, не образуется нового, смешанного языка, но один язык, как указывает И. В. Сталин, выходит победителем, а другой постепенно отмирает.

Прямолинейное и упрощенное отождествление процессов «этногенеза» и «глотогенеза» служило главным основанием для фантастических этногенетических гипотез учеников и последователей Марра среди этнографов и археологов разных специальностей, пытавшихся опереться на исторические процессы этнического смешения при объяснении мнимой стадийной трансформации в этих исторических условиях будто бы «скрещенных» по своему происхождению языков. Было бы неправильно и обратное: по данным сравнительно-исторической грамматики столь же прямолинейно судить об этнической принадлежности того или иного народа — носителя данного языка.

Вызывает возражение и другое, более частное положение В. И. Абаева: о возможности прямого влияния «темпов жизни» на «темпы языковой эволюции», которое иллюстрируется «ассимиляцией» *х* и *г* (т. е. развитием аффрикат) перед передними гласными в иронском диалекте осетинского языка. В. И. Абаев склонен рассматривать этот фонетический процесс, как явление, развившееся в течение последнего столетия и связанное с «нарушением традиционного уклада жизни, вовлечением в торгово-капиталистические отношения и городскую жизнь» и т. п. (стр. 53).

Вряд ли можно, однако, опираясь лишь на фонетически несовершенное описание названных звуков акад. А. Шегреном, утверждать с полной уверенностью, что звуки эти существенным образом изменили свое произношение с 40-х годов XIX в.: как всякие изменения в языке, изменения фонетические представляют гораздо более длительный процесс. К тому же тенденция к развитию аффрикат в результате палатализации представляет собою, повидимому, общую артикуляционную особенность иранских языков с древнейшей поры. Вопрос этот требует проверки специалистами; но в принципе против такого рода гипотез предостерегает известное замечание Энгельса о невозможности объяснить экономическими причинами происхождение верхне-немецкого перебора согласных⁶.

⁴ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

⁵ См. «Обсуждение статьи „За творческую разработку проблем языкознания“, помещенной в „Правде“, «Вопросы языкознания», М., 1952, № 2, стр. 156—159.

⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, 1947, стр. 423.

Общей проблеме историзма в языкознании посвящена и статья К. В. Ломтатидзе «О закономерностях исторического развития языка» (стр. 56—67). Современное буржуазное языкознание, отражая общий упадок исторического мышления реакционного общественного класса, отрицает прогресс в языке, как и всякий прогресс в развитии общества. Напротив, марксистский диалектический метод рассматривает процесс развития «... как движение поступательное, как движение по восходящей линии, как переход от старого качественного состояния к новому качественному состоянию, как развитие от простого к сложному, от низшего к высшему»⁷. И. В. Сталин учит, что развитие языка есть процесс его «развертывания и совершенствования» по внутренним законам его развития. К. В. Ломтатидзе на ряде примеров из области словарного состава языка и его грамматического строя иллюстрирует одну из важнейших общих тенденций этого процесса — тенденцию «к переходу от сравнительно менее абстрактных категорий к более абстрактным» (стр. 65). Особенно поучительны примеры грамматические, которые автор приводит из области своей специальности — иберийско-кавказских языков: переход от «классного» спряжения к личному, унификация категорий «организмической» и «имущественной» принадлежности, замена в падежных формах имен классных экспонентов общей флексией (стр. 66). Последний пример, думается нам, бросает некоторый свет и на процессы аналогического упрощения и унификации первоначальной множественности основ в древнем индоевропейском склонении.

«Переход к более обобщенным, абстрактным категориям, безусловно, означает развитие мышления и языка», заключает К. В. Ломтатидзе. «А это со своей стороны является результатом развития общества, носителя этого языка. Идя по этому пути, язык постепенно шлифуется, совершенствуется, обогащается, в общем — развивается» (стр. 66). «Подлинное усовершенствование языка означает освобождение его от той скованности, которая вызвана чрезмерной конкретизацией» (стр. 67).

Разумеется, при всей справедливости этого вывода относительно приведенных примеров, не следует, однако, забывать, что и дифференциация грамматических форм, как и конкретизация специализированных словарных значений, может в других случаях также служить развитию, обогащению и совершенствованию языка.

С историческим изучением языка связана другая основная проблема сталинского языкознания: рассмотрение языка как системы, находящейся в диалектическом развитии. Постановке этой проблемы посвящена статья В. Н. Ярцева о «К вопросу об историческом развитии системы языка» (стр. 68—98).

Понятие языка как системы было чуждо Марру, утверждавшему, что все языки — «мешанные». Господствующее течение зарубежного языкознания, школа де Соссюра (прежде всего, структурализм) понимает системность языковых фактов лишь как абстрактную, статическую «систему противопоставлений» в «синхронном» разрезе языка. Против этой антиисторической концепции В. Н. Ярцева выдвигает историко-диалектическое учение И. В. Сталина о развитии языка «...путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путем постепенного отмирания элементов старого качества»⁸.

«Системный характер языковых явлений обусловлен самой природой языка как общественного явления, — правильно указывает В. Н. Ярцева. «Назначение языка — быть средством общения людей в обществе — предполагает упорядоченность языковых форм, их взаимное размежевание и, вместе с тем, полноту выражений этими формами содержания мысли» (стр. 68).

Эти общие положения автор иллюстрирует рядом примеров из области своей специальности — истории английского языка. Примеры эти показывают взаимодействие различных сторон языка в процессе их исторического развития. Весьма убедительной иллюстрацией «системного» характера этого процесса является изменение типов словообразования в английском языке, которое автор ставит в связь с общим изменением его морфологической структуры как результатом действия соответствующих внутренних законов (стр. 80). Однако в ряде других примеров речь идет о более частных случаях «взаимодействия» грамматических и лексических явлений (стр. 70—72), а наличие частных «взаимодействий» такого рода, само по себе несомненное, еще не дает права говорить о «системе» языка.

Взаимодействие грамматики и лексики в системе языка рассматривается в большой группе статей, посвященных вопросам словообразования. Принципы этого взаимодействия указаны И. В. Сталиным, сравнивающим словарный состав со «строительным материалом для языка», который «...получает величайшее значение, когда он поступает в распоряжение грамматики языка...»⁹.

Обширная работа акад. В. В. Виноградова «Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков)»

⁷ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 102.

⁸ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 27.

⁹ Там же, стр. 23.

(стр. 98—152), как и ряд статей на ту же тему, опубликованных тем же автором за последние годы, представляет широкую теоретическую программу монографического исследования по русской лексикологии, оснащенного богатым и разнообразным конкретным материалом и развивающего установки сталинского учения о взаимоотношении грамматики и основного словарного фонда языка. Как обычно, акад. В. В. Виноградов начинает свое исследование с критического обзора богатого теоретического наследия русского языкознания по изучаемому вопросу. Определяя границы между словообразованием и словоизменением, он справедливо отвергает точку зрения акад. Ф. Ф. Фортунатова (стр. 100—101), относившего к словообразованию все несинтаксические формы изменения слов (например, мн. число), и уделяет заслуженное внимание интересным наблюдениям акад. Л. В. Щербы над случаями «переходными, колеблющимися», свидетельствующими о развитии и изменении языка (стр. 107). Сам В. В. Виноградов, как уже в книге «Русский язык» (1947) и в других своих работах, исходит из понятия слова как «системы форм», объединяющей «все формы данного слова — и те, которые образуются окончаниями (флексиями), и те, которые образуются суффиксами (например, — *покрыть*, *покры-ва-ть*, *покры-ва-я*, *покры-ва-ющий*, *покрыва-ю* и т. п.)» (стр. 110), очевидно, включая в формобразование не только множественное число или причастия, но и видовые формы глагола, образованные с помощью суффиксов. «Фактически именно из такого понимания слова исходит каждый носитель современного русского языка» (стр. 110). Таким образом, среди форм одного слова могут быть разные типы форм: «как формы, синтаксически обусловленные или синтаксические, так и формы синтаксически обуславливающие или вообще несинтаксические» (стр. 110). Формообразование изучает формы слова (морфологию) в отличие от словообразования, которое рассматривает образование производных слов; но между ними наличествует «самая тесная связь и взаимодействие» (стр. 110), в особенности, например, в системе русского глагола (стр. 114).

Основой для развития словарного состава языка, как учит И. В. Сталин, является его основной словарный фонд. Словообразование представляет «связующее звено» между основным словарным фондом языка и его словарным составом, с другой стороны — между словарем и грамматикой (стр. 118—119). В отличие от грамматических категорий словоизменения (падежа, числа, времени), словообразовательные категории «никогда не достигают такой широты обобщения и грамматической абстракции» (стр. 123). В них отмечается «отсутствие строгой системности, наличие внешне немотивированных ограничений, многообразие тождественных или близких значений у многих словообразовательных элементов, препятствующее их грамматической обобщенности» (стр. 123). Даже употребление продуктивных суффиксов строго ограничено определенным характером корневого элемента (морфологическим и лексическим), в зависимости от которого находится и их значение (стр. 129 и сл.).

На большом материале, иллюстрирующем эти положения, акад. В. В. Виноградов показывает основные типы словообразования, наличествующие в русском языке: словообразование собственно морфологическое, морфолого-синтаксическое, синтаксическое, лексико-морфологическое и лексико-семантическое. Учитывая многообразие этих форм, автор рекомендует различать *с л о в о п р о и з в о д с т в о* (т. е. образование производных слов с помощью морфологических средств) и *с о б с т в е н н о с л о в о о б р а з о в а н и е* (т. е. образование новых слов путем комбинаций уже существующих слов или путем переосмысления их форм) (стр. 144). Это деление соответствует положению словообразования (в широком смысле) как лингвистической дисциплины, тесно связанной и с грамматикой (морфологией), и с лексикологией. Эти общие теоретические положения по-разному развиваются и дополняются на материале других языков в статьях К. А. Левковской, А. И. Смирницкого, Э. В. Севортяна.

Вопрос «О словообразовании и его отношении к грамматике» К. А. Левковская рассматривает на примере немецкого языка (стр. 153—181). Как и русский язык, немецкий обладает богато развитым и исторически развивающимся, продуктивным словообразованием. Как характерную особенность немецкого языка, автор правильно отмечает «возникновение суффиксов из слов» (стр. 155), т. е. на основе словосложения, широкое применение которого несомненно является одним из внутренних законов развития немецкого языка (стр. 160). Следовало бы также отметить особые условия, которые создаются для словообразования в немецком языке в связи с редукцией окончаний. Этим, как нам кажется, объясняется в ряде случаев распространение более «выразительной» формы суффикса (*Schönheit* вместо *Schöne* и т. п.), отмеченное в статье (стр. 159), и многочисленные факты «переразложения основ» (стр. 155), служащие обычно для укрепления фонетически слабого суффикса.

Мало целесообразной представляется попытка автора, в отличие от акад. Виноградова, установить разграничение между «формообразованием при помощи аффиксов (суффиксов и префиксов)» и «словоизменением (формообразованием при помощи флексий)» (стр. 166). Частично это возвращает нас к точке зрения акад. Фортунатова, поскольку образование множественного числа существительных, степеней сравнения, видовые формы глагола автор, повидимому, склонен относить не к словоизменению,

а к формообразованию в более широком смысле (стр. 160—161). В некоторых случаях это приводит к недоразумениям, когда, например, словообразовательный суффикс действующего лица *-er* (*Arbeiter* «рабочий») оказывается как «формообразующий аффикс» в одном ряду с суффиксом сравнительной степени *-er* (*wärm* — *wärmer*) (стр. 165). С исторической точки зрения понятия эти также не могут быть четко разграничены, поскольку, например, тот же старый основообразующий суффикс основ на *-n* может в одном случае превратиться (в словах мужского рода) в падежный признак группы косвенных падежей (им. падеж ед. числа *Herr* — род., дат., вин. падежи *Herren*), в другом случае (в словах женского рода) — в окончание множественного числа (ед. число *Frau* — мн. число *Frauen*).

Обширная работа Э. В. Севортяна «К соотношению грамматики и лексики в тюркских языках» (стр. 306—367) является в сущности первой попыткой систематического обзора важнейших словообразовательных форм тюркских языков (азербайджанского, турецкого, узбекского), которая заслуживает тем большего внимания, что опирается на основополагающие принципы сталинской теории. Вслед за акад. Виноградовым автор отмечает более общий и абстрактный характер категорий словоизменения по сравнению со словообразованием; поскольку в тюркских (агглютинирующих) языках употребление словоизменительных морфем не зависит от характера основы, их «всеобщее» для каждой части речи значение оказывается совершенно индифферентным к лексической стороне слова (стр. 310). С другой стороны, словообразовательным категориям и здесь свойственны обычные лексико-семантические ограничения. На ряде примеров частных значений словообразовательных суффиксов автор убедительно показывает их связь с лексико-семантическими особенностями значения основных слов.

В отличие от акад. В. В. Виноградова, Э. В. Севортян относит сложные слова тюркских языков к словообразованию «грамматическому» (стр. 316 и сл.). Между тем связь между элементами сложных слов — различная, и эти различия, как нам представляется, имеют именно грамматический характер; ср., например, следующие грамматические типы: узб. *темирийъл* «железная дорога» (буквально, «железо-дорога»), *оқсоқол* «старец, почтенный человек» (буквально, «белая борода» в значении «белобородый», так называемые «*bahuvrīhi*») и *ўринбосар* «заместитель» (буквально, «место-заступающий») и др.¹⁰ Правильной представляется нам в этом вопросе точка зрения акад. Виноградова, который относит сложные слова русского языка к области «синтаксико-морфологического словообразования» (стр. 140).

Непонятно также, почему Э. В. Севортян не решается отнести к сложным словам и считает «живыми синтаксическими сочетаниями» такие термины новейшего происхождения, как азерб. *тахылбичэн* «жнейка», *тахылдйэн* «молотилка», *ералчэн* «землемер» и т. п. Ведь между «жнущим хлеб» (*тахыл бичэн* или *тахыллы бичэн киши*) и «жнейкой» (*тахылбичэн*) и др. наличествует существенное различие, смысловое и в некоторых случаях даже грамматическое (неоформленный вин. падеж), т. е. «сдвиг семантического или грамматического характера», по терминологии автора (стр. 319), и это не зависит от факта слитного или раздельного написания, который свидетельствует лишь о текучем и широко продуктивном характере этого важного грамматического процесса в современном языке.

В интересной статье «К вопросу о слове (Проблема „отдельности слова“)» (стр. 182—203) А. И. Смирницкий так же, как и акад. В. В. Виноградов в своей работе, исходит из рассмотрения слова как единицы языка, в которой «сплетаются, перекрещиваются и взаимодействуют лексические и грамматические моменты» (стр. 183). Определение слова как единицы языка связано для автора с проблемами «отдельности слов» и «тождества слова». Проблема «отдельности» в свою очередь распадается на два вопроса — о «выделимости» и о «цельности» слова. Критерий фонетический и семантический для такого выделения недостаточны: выдвигается критерий «отношения к грамматическому строю языка»: «Это значит, что слова оказываются грамматически, как морфологически, так и синтаксически, оформленными и, определенным образом приспособленными к их совместному функционированию в связной, осмысленной речи» (стр. 191).

Если признать правильность этого критерия, тогда становится непонятным, почему автор не согласен с акад. Л. В. Щербой, который утверждал, что «...понятия „слово вообще“ не существует», что в разных языках слово определяется «по-разному»¹¹ (см. стр. 183). Ведь отношение слова как единицы языка к грамматическому строю языка должно быть различным в зависимости от особенностей последнего в данном языке. Так, слово в языках флективного строя, которое, согласно определению Мейе, «...никогда не существует без особой грамматической характеристики» (падежа, числа,

¹⁰ См. А. Н. Кононов, Грамматика узбекского языка, Ташкент, 1948, стр. 104 и сл., где приведены различные грамматические типы словосложения.

¹¹ Л. В. Щерба, Очердные проблемы языковедения, Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка, М., 1945, вып. 5, стр. 175.

лица и времени и т. п.),¹² существенным образом отличается от слова в тюркских (агглютинирующих) языках, где неоформленная основа имени употребляется самостоятельно как так называемый «абсолютный падеж», являющийся лишь потенциальным носителем грамматических определителей, которые, по справедливому замечанию Э. В. Севортяна в упомянутой выше статье, лишь «сопутствуют слову, но не входят в него» (стр. 311). Наконец, совсем иной характер будет иметь определение слова, скажем, в китайском языке, где огромное большинство значащих слов вообще не имеет морфологического оформления.

В применении к новоевропейским языкам, развившим в себе элементы анализа, следует признать убедительными возражения, выдвигаемые А. И. Смирницким против тех теорий, которые рассматривают предлоги как флексивные форманты слова или личные местоимения как морфемы глагола. Нам тоже представляются ошибочными высказывания Вандриеса, будто во французской фразе *je ne l'ai pas vu* «я его не видел», в которой «школьная грамматика» насчитывает шесть отдельных слов, «в действительности налицо только одно слово, но сложное, образованное из ряда морфем, переплетенных одна с другой»¹³. На самом деле слова, из которых строится эта фраза, отчетливо выделяются при сопоставлении с другими: *je l'ai vu, tu l'as vu, je l'ai vu, j'ai vu, tu as vu* и т. п., — подобно тому как самостоятельность предлога *на* в качестве отдельного слова определяется возможностью выделения его при сопоставлении со словосочетаниями, указанными А. И. Смирницким: *на суд, на ваш суд, на товарищеский суд* и др. (стр. 195).

Но и здесь в языках иного грамматического строя, например в тюркских (агглютинирующих), степень самостоятельности основы, как и флексивного показателя, гораздо более значительна, поскольку между ними могут свободно вставляться другие словоизменятельные морфемы: ср. узб. *кун* «день», с аффиксом исходного падежа *кун-дан* «от дня», мн. число *кун-лар-дан* «от дней», с притяжательным аффиксом *кун-и-дан*, мн. число *кун-лар-и-дан* и т. п. Это снова указывает на своеобразие грамматического определения слова в языках разного строя.

Менее убедительным представляется мне то, что А. И. Смирницкий называет «отрицательной выделяемостью слова» (стр. 193): если в сочетании *на-дом*, возражает он своим противникам, предлог *на* рассматривать как часть слова, как морфему, то *дом* соответственно также представляет из себя часть слова. Аргумент этот основан на отсылке к тому, что требуется доказать (*petitio principii*). Разумеется, для того, кто признает предлог *на* в сочетании *на-дом* флексивной морфемой, слово *-дом* в этом сочетании соответственно представляется корневой морфемой, так же, как, например, в датском ед. числа *дом-у*; возможность и такого рассуждения (по нашему мнению — неправильного) подкрепляется формами предложного падежа типа *на-доме, о-доме*, где форма *доме* хотя и является (с нашей точки зрения) словом, однако отдельно не употребляется, совершенно так же, как и французское *je* в примере Вандриеса, встречающееся только в сочетании с глаголом (*je vois*).

«Цельность» слова, отличающая его от словосочетания, определяется, по мнению А. И. Смирницкого, его «цельнооформленностью», которой обладают и сложные слова (*прямоугольник, железнодорожный*), тогда как «раздельнооформленные» словосочетания по степени своей семантической цельности в свою очередь распадаются на идиоматичные (связанные) типа *спустя рукава, взять свое* — в отличие от не идиоматичных (свободных) типа *дом отдыха, железная дорога* (стр. 197—203).

Полезность этой классификации не подлежит сомнению. Однако в ней не нашли себе места наиболее трудные с точки зрения проблемы «отдельности слова» случаи. К какой категории слов или словосочетаний следует отнести аналитические формы, например, сложные формы глагола *ich habe geschrieben* «я писал», *ich bin gefallen* «я упал», *ich werde betrogen* «меня обманывают» и т. п.? Несомненно, *ich bin gefallen* «я упал» представляет не одно, а три слова, и в то же время это — сложная грамматическая форма (перфект) от глагола *fallen* «падать». Вопрос этот поставлен в настоящем сборнике акад. Виноградовым в связи с аналитическими формами русского глагола типа *стану работать* (стр. 112). В. В. Виноградов говорит здесь о «синтаксическом формообразовании». Со своей стороны, мы предложили бы термин *грамматическое словосочетание* — в параллель с лексическими (фразеологическими). Но к более свободным грамматическим словосочетаниям этого типа относятся и сочетания предлога с существительным, в особенности там, где предлог почти утратил свое вещественное значение и является эквивалентом падежа, как в английском родительном с предлогом *of*, параллельном флексивному родительному *на's* (*the house of my father = my father's house* «дом моего отца»), или в русском предложном падеже, где старая форма локатива (*доме*) уже не употребляется без предлога.

¹² А. Мейе, Основные особенности германской группы языков, М., Изд-во иностран. лит-ры, 1952, стр. 83.

¹³ Ж. Вандриес, Язык, М., Соцэкгиз, 1937, стр. 89.

Вопросы синтаксиса имеют в русской грамматической науке прошлого большую и плодотворную традицию. Продолжая ее, Институт языкознания АН СССР еще в 1950 г. выпустил специальный сборник «Вопросы синтаксиса современного русского языка».

Статья В. И. Борковского «Основные вопросы исторического синтаксиса русского языка» (стр. 260—285) представляет широкую программу историко-синтаксических исследований. «Необходим обобщающий труд по историческому синтаксису русского языка, созданный на основе учения И. В. Сталина о языке», — указывает В. И. Борковский (стр. 285). В статье намечены некоторые основные вехи для этого будущего труда. В свою программу В. И. Борковский включает и изучение сравнительного синтаксиса славянских языков, однако не в целях «восстановления архетипа той или иной синтаксической конструкции», а для того, «чтобы представить себе синтаксическую систему древнерусского языка как систему своеобразную, отличающуюся от систем других языков, даже родственных...» (стр. 282). Мы думаем, что в этом и заключается основная задача сравнительно-исторической грамматики: восстановление «архетипа» или «системы архетипов» должно быть не самоцелью, а лишь вспомогательным средством для раскрытия закономерностей развития грамматического строя данного языка, его внутренних законов. Именно в этом смысле сравнительный метод, как учит И. В. Сталин, «...толкает к работе, к изучению языков...»¹⁴, и исследование вопросов такого рода «...могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка»¹⁵.

Статья Н. С. Поспелова «Категория времени в грамматическом строе русского глагола» (стр. 286—305) касается более частного вопроса русской грамматики.

Автор отвергает традиционное понимание субъективной природы грамматического разграничения форм времени с точки зрения «момента речевого сознания» говорящего (формула Пешковского) и пытается вскрыть идеалистические корни этого взгляда. «Категория времени, являясь отражением объективного времени, — как утверждает Н. С. Поспелов, — непосредственно включает глагольное действие в реальную действительность» (стр. 296).

Ближайшим предметом статьи является рассмотрение «основного временного значения форм настоящего времени несовершенного вида» русского глагола (стр. 297 и сл.), в частности, оттенков значения «нераскрытого» и «раскрытого» настоящего, настоящего в значении будущего, настоящего в обобщенном значении постоянного и вневременного действия.

Нам представляется, что всестороннее объяснение описанных здесь грамматических фактов невозможно без сравнительно-грамматической перспективы, устанавливающей их исторический генезис, поскольку эти факты наличествуют не только в других славянских, но и в других индоевропейских языках. Ср. для значения настоящего-будущего нем. *Ich gehe heute ins Theater* «Я иду сегодня в театр» (в значении «я пойду...»). Это значение связано с древними видовыми основами индоевропейской глагольной системы, в частности — со значением индоевропейского презенса как длительного действия, точнее как «данности действия» (В. В. Виноградов) — без ограничения временем. Лишь позднейшее формирование «объективных» времен, сперва — прошедшего, значительно позже — будущего, до известной степени ограничило временное значение презенса, превратив его (не полностью) в так называемое «настоящее время». Своеобразие этого процесса в русском языке определяется соотношением видов и времен в системе русского глагола.

Вопросы сравнительно-исторического метода, его указанных И. В. Сталиным положительных сторон и его «серьезных недостатков», вызывают в настоящее время живейший интерес советских языковедов; поэтому приходится сожалеть, что в сборнике им уделено недостаточно внимания. Космополитические установки так называемого «нового учения» о языке принесли особенно большой вред сравнительно-историческому изучению славянских языков, искусственно затормозив на долгое время возможность научной работы в этой области; между тем И. В. Сталин специально отмечает несомненное «...языковое родство, например, таких наций, как славянские...»¹⁶, и важность для языкознания изучения этого родства.

Статья Л. А. Булаховского «Сравнительно-исторический метод и изучение славянских языков в свете высказываний И. В. Сталина» (стр. 237—259) посвящена вопросам скорее методики, чем методологии этого исследования и иллюстрирована примерами, заимствованными из богатого исследовательского опыта самого автора, с учетом достижений и недостатков предшествующей работы в этой области. Л. А. Булаховский предостерегает против «механического» применения звуковых законов, настаивая на важности учета «ассоциативной сферы» данного слова, в частности, он придает большое значение контаминациям; он намечает принципы этимологического исследования, опирающегося на научно-разработанную семасиологию,

¹⁴ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 33.

¹⁵ Там же, стр. 34.

¹⁶ Там же, стр. 33—34.

с привлечением «реалий» материальной культуры; в области морфологии он справедливо указывает на необходимость теоретического уточнения вопросов грамматической аналогии; в области синтаксиса он выдвигает задачу изучения мало разработанных в славистике сравнительно-синтаксических проблем, с широким привлечением современных славянских диалектов. Большое значение автор придает как в области фонетики, так в особенности в морфологии и синтаксисе фактам параллельного развития родственных языков. «Хорошо обработанный материал этого рода — необходимое условие правильной характеристики внутренних законов языка и конкретных взаимоотношений элементов его исторического развития» (стр. 253). Наконец, сравнительный метод может найти применение и в практике преподавания родственных языков, как это в свое время пытался осуществить И. А. Бодуэн де Куртене в своей работе «Польский язык сравнительно с русским и древнецерковнославянским» (1912).

Изучению реальных процессов скрепления языков на основе сталинской теории посвящены статьи Б. А. Серебrenникова, В. С. Расторгуевой, Ю. Д. Дешериева. Исходя из открытого И. В. Сталиным закона неравномерного развития различных сторон языка, Б. А. Серебrenников в статье «Об устойчивости морфологической системы языка» (стр. 204—224) исследует вопрос о степени проницаемости этих различных сторон при взаимодействии неродственных языков. «При скреплении или взаимодействии языков может иногда происходить довольно интенсивный лексический взаимообмен, тогда как элементы системы склонения или спряжения двух языков никогда взаимно не переплетаются» (стр. 204).

Этот факт Б. А. Серебrenников объясняет различным характером лексической и грамматической абстракции и иллюстрирует его большим числом примеров взаимодействия и смешения языков различного типа, в частности также анализом «языковых смесей», возникающих в условиях двуязычия, и языковых жаргонов типа *pidgin* и *creole* и других, служивших излюбленными примерами для таких теоретиков языкового смешения, как Шухардт и др. Однако даже в этих специфических случаях, принадлежащих, по справедливому замечанию автора, «к разряду лингвистических уродств и аномалий» (стр. 224), также не происходит заимствования «словоизменительных формативов и их аналогов» (стр. 221). Встречаются также не очень многочисленные примеры заимствования иноязычных суффиксов. Синтаксические конструкции «могут легко калькироваться, создаваться одним языком по образцу другого» (стр. 215). Что касается фонетики, то она, «по всей видимости, должна быть отнесена к сферам проницаемым, хотя этот вопрос требует тщательного изучения» (стр. 213).

К числу важных теоретических вопросов, лишь мельком затронутых Б. А. Серебrenниковым, относится и вопрос о так называемых «языковых союзах», т. е. о возможности частичного сближения неродственных языков в результате длительного взаимодействия в определенной географической зоне. А. С. Чикобава категорически отрицает необходимость такого понятия, считая, что оно «не оправдано с точки зрения исторического языкознания» (стр. 36). Как попытка замены генетического родства «конвергенцией» неродственных языков у некоторых представителей зарубежного лингвистического «модернизма», оно несомненно не соответствует фактам и заслуживает осуждения. Однако Б. А. Серебrenников справедливо ссылается на некоторые общие черты неродственных по своему происхождению балканских языков, языков Прибалтики, Волго-Камской зоны, наконец Кавказа (стр. 223—224). Вопрос этот имеет большое значение для методологии сравнительно-исторического языкознания и требует специального критического исследования.

Еще более важное значение имеет совсем не затронутый автором вопрос о специфических закономерностях смешения диалектов одного языка. Было бы очевидной методологической ошибкой ставить, как это иногда делается, знак равенства между скреплением неродственных языков и смешением диалектов внутри одного языка. Ошибку эту в прошлом совершали, как известно, диалектологи марровской «школы», а в настоящее время иногда повторяют вслед за ними и их противники. Диалекты одного языка, развивающиеся по общим внутренним законам, имеющие частично сходный грамматический строй и частично общий словарный состав, проницаемы друг для друга, поскольку они являются «ответвлениями» единого общенационального языка. Взаимодействие и смешение являются здесь прямым результатом общения между говорящими на взаимнопонятных соседних диалектах одного языка. Без такого смешения невозможны ни процессы «концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией»¹⁷, ни поглощение диалектом, развившимся в национальный язык, других, подчиненных ему диалектов того же языка. При этом процесс развития национального языка и поглощения подчиненных ему диалектов сам уже подготовлен был веками совершавшимся частичным сближением родственных диалектов внутри единого общенационального языка, поскольку эти диалекты, не будучи непроницаемыми друг для друга, издавна нивелировались в результате языкового общения.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 414.

До известной степени это положение относится и к близкородственным языкам, представляющим генетически не слишком отделившиеся друг от друга диалекты («ответвления») одного языка-основы. Мы имеем в виду общеизвестные факты взаимодействия и взаимного обогащения (не только лексического) между русским и церковнославянским языком (формы причастия), между нижненемецким и скандинавскими языками (заимствованные в большом числе словообразовательные суффиксы), между древнеанглийским и скандинавским в период владычества и колонизации данов на англосаксонской территории (личные местоимения, ряд обиходных слов основного словарного фонда, в частности глаголов).

Статья В. С. Расторгуевой «Об устойчивости морфологической системы языка (по материалам северных таджикских говоров)» (стр. 225—236) рассматривает тот же вопрос. В результате длительного двуязычия в таджикские говоры Ферганской долины, исследованные автором, проникли в большом числе узбекские заимствования; калькируются не только синтаксические обороты, но и сложные глагольные формы, построенные из таджикского лексического материала по грамматическому образцу узбекского языка; однако морфология, система словоизменения, остается таджикской, обнаруживая «поразительную устойчивость» (стр. 227).

Правда, В. С. Расторгуева отмечает заимствование некоторых словообразовательных суффиксов (-чи, -лик и некоторые другие) (стр. 234—235), но так же, как в аналогичных примерах Б. А. Серебренникова (стр. 215), мы полагаем, что суффикс не заимствуется, а отвлечается от группы заимствованных слов, ставших родными (*колхозчи* «колхозник», *кетманчи* «кетменщик» и т. п.). Именно таким способом был «заимствован» в древнегерманских языках латинский суффикс действующего лица *-arius* > нем. *-er* (*Schreiber* «писец», *Mahler* «художник» и т. п.), отвлеченный от таких заимствованных названий профессий, как лат. *tolonarius* > нем. *Zöllner*, *monetarius* > нем. *Münzer* и многие другие.

Наличествуя и заимствование аффикса исходного падежа -дан, иногда с одновременным сохранением таджикского предлога *a(a)* «из», с тем же значением исходности (стр. 235). Следует, однако, иметь в виду, во-первых, отмеченную выше (стр. 126) относительную обособленность подобных падежных аффиксов в агглютинирующих языках, приближающую некоторые из них к послелогам; во-вторых, более узкое, ограниченно конкретное значение местных падежей типа исходного, приближающее их к нашим местным предлогам (*из*, *от*).

Разнообразный и интересный материал по тому же вопросу собран и в статье Ю. Д. Дешериева «О взаимодействии древнеписьменных, младописьменных и бесписьменных языков в свете сталинского учения о языке» (стр. 461—494). Предметом его исследования служат процессы скрещивания на материале языков Кавказа. Большое число этих языков (около пятидесяти), из которых значительная часть является языками бесписьменными, близкое территориальное соприкосновение между ними делает материал этот особенно показательным для проблемы смешения. Ю. Д. Дешериев дифференцирует несколько типичных случаев: поглощение некоторых мелких, иногда одноаульных, бесписьменных языков в результате длительного двуязычия, связанного с политическим и культурным преобладанием древнеписьменного языка (грузинского, азербайджанского); воздействие младописьменного языка (например, аварского) на бесписьменные языки района, где он служит в настоящее время языком межплеменного общения, языком школы, или взаимодействия между соседними младописьменными (или бесписьменными) языками, принадлежащими к разным языковым группам (например, между осетинским или кумыкским и северокавказскими языками); случаи, когда взаимное влияние фактически оказывается очень незначительным и ограничивается преимущественно лексическими заимствованиями. В целом, несмотря на различие условий, грамматическая система языка (даже при процессах поглощения) обнаруживает свойственную ей стойкость и непроницаемость. Смешения языков не происходит, несмотря на, казалось бы, особо благоприятные условия сравнительно небольшой территории, где «было сосредоточено в течение двух тысяч лет по меньшей мере 50—60 языков, относящихся к различным семьям». Как справедливо заключает автор, «этот факт доказывает ошибочность марровской теории скрещения языков» (стр. 481).

Изучению малоисследованных бесписьменных и младописьменных языков посвящены и работы Н. М. Терещенко «О развитии грамматических категорий ненецкого языка (на примере категории причастия)» (стр. 368—386) и Г. А. Меновщикова «Об устойчивости грамматического строя и основного словарного фонда эскимосского языка (по материалам эскимосских диалектов)» (стр. 430—460). Первая прослеживает морфологические и синтаксические особенности одной грамматической категории, устанавливая путем сравнительно-грамматического исследования исторические перспективы ее развития; вторая дает развернутое сопоставление диалектов изучаемого языка в области основного словарного фонда и грамматики — сопоставление, которое при чрезвычайной разбросанности эскимосов «на широких просторах Арктики — от Чукотского полуострова до Гренландии включительно» (стр. 431) действи-

тельно свидетельствует о большой устойчивости этих двух основных элементов когда-то единого общенародного языка.

К сожалению, статья Г. А. Меновщикова — единственная в сборнике, специально посвященная вопросам диалектологии, притом в особых условиях племенных диалектов бесписьменного языка. Между тем теоретическая разработка и широкое обсуждение основных принципов диалектологического исследования являются в настоящее время насущной необходимостью, учитывая в особенности предпринятую Институтом языкознания АН СССР большую работу общенационального масштаба — составление русского диалектологического атласа, а также аналогичные работы, предпринимаемые республиканскими академиями наук.

С работой над национальными языками Советского Союза связана и теоретическая статья В. А. Аврорина «К вопросу о национальной самобытности языка» (стр. 387—429). Каждый язык, справедливо указывает автор, имеет «самостоятельный путь совершенствования по своим собственным законам», а следовательно, в частности, и «свою собственную систему грамматических категорий» (стр. 411). Отсюда — невозможность универсальных грамматических, или «понятийных» (по терминологии акад. И. И. Мещанинова), категорий, невозможность «всеобщей универсальной или рациональной грамматики» (стр. 412). Но отсюда же следует необходимость при изучении и преподавании языка полностью учитывать его национальные особенности. Между тем в теории и практике преподавания родного и русского языков в национальных школах в период господства марровского учения, как показывает В. А. Аврорин на примере ряда статей из сборника «Вопросы методики преподавания русского и родного языка в нерусской школе» (Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948), господствовал «унификаторский подход» к языкам, основанный на неправильном принципе: при параллельном изучении родного и русского языка обращать внимание учащихся в первую очередь на черты сходства между этими языками, отодвигая различия на второй план, и пользоваться в учебниках (а иногда и в научных работах) по языкам народов СССР русскими грамматическими схемами и связанной с ними терминологией без учета национальных особенностей данного языка (стр. 414). Сторонники этой своеобразной методики совершенно откровенно заявляли на страницах названного сборника: «Мы против схоластического отыскания специфика в родном языке» (стр. 416).

Между тем, как справедливо замечает В. А. Аврорин, не следует забывать, что «взаимоотношения между языками и взаимоотношения между народами, близость языков и дружба народов далеко не одно и то же» (стр. 416, прим. 3). Сопоставительный метод имеет огромное значение в деле преподавания любого второго языка; но он требует одинакового учета и сходства, и различий между языками, усвоения различий на основе сходства. Тем более школьное изучение родного языка не может быть сколько-нибудь успешным и плодотворным при намеренном игнорировании его самобытности, основы его национальной специфики.

Мы попытались изложить важнейшие положения статей, вошедших в состав рецензируемого сборника, и тем самым дать представление о богатстве и многообразии мыслей и фактов, которые он содержит. Нашей целью одновременно было показать, что проблемы, поставленные участниками сборника, в ряде случаев нуждаются в дальнейшей разработке, по возможности на материале разных языков, с учетом их национальной специфики, их внутренних законов, а в некоторых случаях выдвигаемые положения требуют всестороннего критического обсуждения и широкой дискуссии — борьбы мнений, без которой наука, как известно, «не может развиваться и преуспевать». Некоторые важные и актуальные вопросы языкознания почти или совсем не отразились в сборнике: вопросы фонетики и в особенности фонологии, вопросы диалектологии, проблема сравнительно-исторического метода, его достижений и недочетов, наконец, весь сложный комплекс вопросов, связанных с историей литературного языка и языком художественной литературы, стилистикой и поэтическим стилем, художественным переводом. Необходимо дальнейшая разработка этих вопросов как в коллективных сборниках, подобных настоящему, так и в специальных монографиях и исследовательских статьях. Широкая программа таких очередных задач исследовательской работы в области языкознания учитывается составителями сборника и уже намечена в основных чертах в его «Предисловии» (стр. 4—5).

В целом сборник представляет несомненное достижение авторского коллектива Института языкознания АН СССР и еще раз свидетельствует о благотворной направляющей и вдохновляющей силе великих сталинских идей.

В. М. Жирмунский